

An impressionistic painting of a sky. The upper portion is dominated by cool, teal and light blue tones, with soft, white clouds. The lower portion transitions into warm, vibrant colors like orange, red, and yellow, suggesting a sunset or sunrise. The brushstrokes are visible and expressive, creating a sense of movement and light. The overall composition is vertical and fills the entire frame.

Белые крылья ПТИЦЫ

Александр Франк

Александр Викторович Франк

Белые крылья птицы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70618411

SelfPub; 2024

Аннотация

День 9 мая 1945, один день в небольшом сибирском городке.
День в котором сошлись радость и горе...

Александр Франк

Белые крылья птицы

Маме и деду, которые так и не увидели друг друга.

Двое мальчишек спешили в школу.

— Нет, ты прикинь — Хромой и говорит: «Ты упустил птицу? Упустил! Так что платить придется.» — Костя возмущенно взмахнул рукой.

— Вот гад, — ответил ему одноклассник Влад Спицын.

— Я говорю: мне батя поручил голубей хранить. Верни птицу! А он только смеется: «Тебе доверили, а ты упустил, растяпа».

— Без понятий этот Хромой.

— Это точно, сегодня в три у водокачки говорить будем. Передашь ребятам?

— А то... — протянул второй.

Бурное обсуждение было вызвано тем, что, вчера Костя Посохин поднял в воздух свою голубиную стаю, оставленную ему отцом перед тем как он ушел на фронт. Увидев это, Хромой тут же поднял в воздух свою и отбил беленькую голубку, бывшую гордостью Кости. И вот теперь он не хотел ее отдавать, а хотел поговорить за это дело, мечтая получить за выкуп деньги.

— Он же взрослый, — вдруг вспомнил Влад.

— И что? Раз взрослый, так чужих голубей загонять можно?

Хромой и впрямь был взрослым, двадцатитрехлетним парнем. Давно, еще лет десять назад, играя в летчиков, он неудачно прыгнул с крыши двухэтажного дома. Итогом того прыжка осталась хромая, негнущаяся нога и кличка, прилипшая к нему как банный лист.

— Кость, постой-ка, — раздался окрик позади них.

Мальчики обернулись. Из калитки дома вышел дядя Игнат, старый друг отца. Они вместе уходили на фронт, да вот Игнат Степанович вернулся раньше из-под Курска, правда, без правой руки.

— Здравствуйте, дядя Игнат, — поздоровались ребята, подходя к нему.

— Как отец? — спросил мужчина у Кости. Отец Вадима погиб еще в том страшном сорок первом.

— Воюет.

— Пишет?

— Да, неделю назад письмо было, в Берлине, в самом логове.

— Эт хорошо, ну, скоро уже домой.

— Ага.

— Ты это, помоги мне, — Игнат похлопал по пустому рукаву, — курить смерть охота, а дома никого.

Костя скрутил сигарку, и Игнат закурил, отворачиваясь и

пуская дым в сторону.

— Дядь. Игнат. Мы в школу опоздаем, — Влад переминался с ноги на ногу.

— Да конечно, бегите. Хотя вот вам, — мужчина полез в карман и достал две карамельки в потертых обертках, — угощайтесь. Жена говорит, от курения помогает, а я вот все равно никак не могу бросить.

В класс они влетели буквально за секунду до звонка, обогнав учительницу литературы, Светлану Алексеевну, в коридоре.

— Посохин, мне кажется, что ты так спешил на урок, чтобы получить заслуженную пятерку, — учительница сразу же вызвала его к доске.

Костя посмотрел в потолок. Вчерашний вечер все его мысли были заняты загнанной голубкой, и он не садился за уроки. Обреченно вздохнув, он вышел к доске.

— Что вам было задано выучить?

— Стихотворение Пушкина, «Памятник».

— Прекрасно, начинай, мы слушаем.

В голове Кости была пустота, там только крутилась первая строчка стиха. Учебник он так и не открыл, но тем не менее начал бодро и уверенно:

— Я памятник себе воздвиг нерукотворный...

Дальше последовала тишина и попытка вспомнить следующие строки. Вадим попытался помочь и зашептал:

— К нему не зарастет народная тропа.

Но Светлана Алексеевна обладала прекрасным слухом, поэтому сразу же подошла к Вадиму и, встав около него, сказала:

— Спицын, я смотрю, ты тоже жаждешь получить пятерку, так что готовься — ты следующий, а пока дай отличиться товарищу.

Подсказывать в такой обстановке было невозможно, поэтому после минутных мучений и терзаний Костя вымолвил:

— Светлана Алексеевна, я не учил.

— Очень плохо, два, садись.

Педагог вернулась на свое место, открыла журнал, опустила перо в чернильницу и уже готова была поставить заслуженную оценку, как дверь класса широко распахнулась и директор школы, чуть запыхавшись, крикнул в класс, а потом побежал дальше по коридору, сообщая радостную весть:

— Победа, радио, Левитан!

Распахнули окно, и в классе зазвучали строгие чеканные слова, которые ждали четыре долгих года. Громкоговоритель на площади был далеко, но радостные слова все равно долетали до класса:

...о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил.

Великая Отечественная война, которую вел советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно

завершена, Германия полностью разгромлена.

Товарищи красноармейцы, краснофлотцы, сержанты, старшины, офицеры армии и флота, генералы, адмиралы и маршалы, поздравляю вас с победоносным завершением Великой Отечественной войны.

— Ну, хорошо, Посохин! Двойку сегодня ставить не буду, но завтра обязательно спрошу, — учительница отложила перо в сторону.

Уроки на сегодня отменили, потому что ну совершенно невозможно было в такой день учиться.

Костя пришел на привокзальную площадь первым и стал ждать остальных ребят. Невольно он вспомнил тот июньский день сорок первого... Как соседи шли провожать своих мужей, братьев, сыновей. Играла музыка, и военный с тремя кубарями в петлицах бегал по платформе и сорванным голосом отдавал команды, как плакали женщины, обнимая своих близких, покрывая поцелуями их посеревшие лица.

Отец тогда обнял Костю и строго сказал:

— Смотри, остаешься за старшего, мамке помогай во всем, голубей моих сбереги и будь хорошим старшим братом для... для сестренки. Я уверен, что родится сестренка.

Он залез в вагон, и когда поезд тронулся, все махал и ма-

хал на прощание рукой, пока поезд не превратился в маленькую черную точку, уходящую за горизонт. А Костя так и стоял на перроне, прижавшись к матери и смотрел туда, на запад, куда уехал отец.

Постепенно собралась компания и они пошли на зады вокзала, где и была назначена встреча с Хромым.

Хромой на удивление, был один. Он стоял, привалившись к забору, надвинув кепку низко на глаза и с насмешкой наблюдая за стайкой приближающихся ребят.

— А ты орел, — обратился он к Косте насмешливо, — весь класс с собой привел?

— Если надо, и приведем, — вступил в разговор Влад.

— Шкет, а ну сдай, не с тобой сейчас разговор.

— Хромой, так что с голубкой, — Костя вышел вперед. Руки в карманах, ноги широко расставлены для устойчивости, полная готовность к драке, — не по правилам чужих голубей загонять.

Тут он держал марку. Чужих голубей загоняли и, видимо, будут загонять, пока существуют голубятни, пока стоит этот мир. Но по всем мальчишеским понятиям разговор стоило вести нагло и нахраписто, изображая свою силу и правду. Хромой продолжал улыбаться.

— Ну, ну, — насмешливо процедил он.

— А что с тобой никто на разговор не пришел? Не захотели? — Костя не унимался, желая продолжить словесную перепалку. Что с голубкой делать будем? Сам отдашь, или

даться будем?

— Не пришли, потому что не позвал. Да ты не очень-то ерепенься, а то я и передумать могу, — глаза Хромого сверкнули недобро, но он справился с этим позывом агрессии.

— Так что делать будем, Хромой? — еще раз переспросил Костя.

— Радоваться, — коротко бросил Хромой, — а ты держи, пока не передумал...

С этими словами он полез за пазуху и аккуратно достал белую птицу. Потом он сделал шаг вперед и бережно переложил ее в руки мальчика, резко развернувшись, быстро двинулся в поселок, прихрамывая на каждом шагу.

— Хромой, спасибо тебе, — прокричал в спину уходившего Хромого опешивший от счастья мальчик. Он бережно прижимал к себе возвращенную птицу, а та только бестолково крутила головой, часто моргала и гулила.

— Всегда пожалуйста, только смотри, в следующий раз не зевай, больше я таким добреньким я не буду, — прокричал в ответ Мишка Котов, которого в поселке все знали, как Хромого, и юркнув в дыру в заборе, окончательно скрылся из вида. А Костю окружили одноклассники, которые громко переговаривались, радуясь удачному завершению конфликта.

Костя вернулся домой, вернул голубку в домик и сразу же занялся домашними делами, раз отец оставил его за старшего. Он должен был вести хозяйство: натаскал воды, вымыл

пол. И кто сказал, что это не мужская работа? Самая мужская и есть. Небось в армии солдаты в казарме сами пол моют, а не сидят и ждут, когда к ним мамка или сестра придут.

Мать была в ночной, поэтому сегодня вся работа по дому была на нем. Он достал из печи еще теплый чугунок с паренками, поел сам, накормил сестру. Наконец, покончив с домашними делами, взялся за уроки. Он должен, он просто обязан был выучить этот урок. Но сегодняшней день был столь ярок и эмоционален, что буквы в книге с трудом складывались в слова. Подошла сестренка Оля и села к нему на колени, он приобнял ее.

— Победа! Папка, папка, скоро придет, — прошептал он на ухо девочке.

— Папка, — повторила она.

— А вот подожди-ка, совсем забыл, — Костя вскочил и стал доставать из кармана куртки карамельку, — на угощайся.

Девочка увлеклась лакомством, а мальчик вернулся к стихотворению, пытаясь запомнить проникновенные пушкинские строки:

*Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа...*

К тому времени, когда он наконец то выучил это стихотворение, девочка заснула, положив светлую головку прямо на

стол. Костя перенес сестренку на кровать, а сам ужом юркнул под одеяло. Завтра будет новый светлый день.

Заснул он быстро и снился ему сон яркий и цветной, которых он не видел уже давно. Сон, как отец возвращается домой. Вот поезд, большой и черный, весь в цветах, медленно подходит к перрону. И отец выходит из купейного вагона – вагона, а не теплушки, вся грудь у него в орденах и медалях, за плечами автомат. Отец широко улыбается и весело подмигивает Котьке.

Потом он первым делом обнимает и целует мать, видит дочь, подбрасывает ее высоко-высоко вверх и смеется, и Ольга тоже радостно смеется, узнав отца. А отец бережно сажает ее на плечо и наконец обращается к Косте. Он ласково треплет мальчишку по голове и как будто сурово спрашивает – спрашивает сурово, а глаза улыбаются:

— Ну как, хозяин, справился?

— Справился, — гордо отвечает Костя, — пошли скорей домой, мы баню истопили.

— Голубей сохранил? — продолжает строго спрашивать отец, а сам улыбается, уже почти смеется.

— Сохранил, — степенно подтверждает Костя.

— Ну веди тогда, показывай.

И идут он по улице домой и кругом играет веселая музыка, и все радуются, тому что батя вернулся, радуются и смеются. Ольга сидит на плече у отца и машет всем рукой, а

мать прижимается к его плечу, все боится отпустить и плачет, плачет от счастья. «Глупая, зачем плакать», — думает Костя, — «все, батя вернулся и теперь никогда-никогда от нас не уйдет».

Костя проснулся от яркого луча солнца, упавшего на лицо. Он попытался укрыться одеялом, но солнце продолжало усиленно жарить сквозь ткань, выгоняя его из кровати. Он спустил ноги на деревянный пол и вышел из комнаты, позевывая и щурясь. В доме было пусто, зато на крыльце он увидел маму и почтальоншу тетю Люсю.

— Письмо от бати! Письмо! — радостно закричал он и выскочил наружу.

И тут он понял, что происходит что-то не то. Тетя Люся стояла, старательно отводя глаза, а мать все молчала, глядя в сторону, кусая побелевшие губы, в дрожащих руках у нее был серый прямоугольник казенного письма.

— Нет, нет, нет!!! — боль вырвалась наружу, мальчик тихо опустился на половицы крыльца.